

П.Е. Сорокин

О СРЕДНЕВЕКОВОМ РАССЕЛЕНИИ В ПРИНЕВЬЕ

Невский регион в XV–XVI вв. входил в состав Ореховского уезда Водской пятины. В конце XV в. в Водской пятине было шесть уездов: Новгородский, Корельский, Копорский, Ореховский, Ладожский, Ямской. Новгородский уезд состоял из 25 погостов, Копорский — из 15, Корельский — из семи, Ладожский и Ямской уезды включали по три погоста, Ореховский — пять погостов. На рубеже XV–XVI вв. произошли изменения административно-территориального деления: часть земель Новгородского уезда была передана другим уездам. Введенский Дудоровский, Никольский Ижерский, Никольский Ярвосольский погосты отошли к Ореховскому уезду, два других, расположенных в среднем Поволховье, — к Ладожскому¹. Таким образом, ранее южное побережье Невы и часть побережья Финского залива входили в состав Новгородского уезда, а Ореховский уезд включал в себя только территории по южному берегу Ладоги (Лопский погост), в долине реки Невы (Спасский-Городенский погост) и к северу от нее в южной части Карельского перешейка — Келтушский, Корбосельский и Куйвошский погосты. Учитывая, что в Новгородский уезд входили не только земли Приильменя, Поволховья и Полужья, заселенные древнерусским населением с IX–X вв., но и южное Приневье, связываемое с исторической Ижорской землей, население уезда было этнически разнородным.

К рубежу XV–XVI вв. Ореховский уезд Водской пятины граничил на востоке с Ладожским, на юге — с Новгородским, на западе — с Копорским, а на севере — с Корельским уездами той же пятины. Западная граница, установленная Ореховецким миром с 1323 г., отделившая ижорские пого-

сты от шведской территории, в южной части проходила по реке Сестре, далее она пересекала заболоченную территорию и выходила к истоку реки Саи (современная река Волчья) и по ней продолжалась в Корельском уезде до реки Вуоксы². Территория Ореховского уезда отделялась от Корельского с севера реками Смородинкой, Олонец и Вьюн и Неодолимым болотом, продолжавшимся до западного берега Ладоги. На востоке граница Ореховского уезда с Ладожским проходила от Ладожского озера по реке Лаве, поворачивая на юго-запад. На юге Ореховский уезд отделялся от Новгородского заболоченными и малозаселенными верховьями рек Назии, Мги, Тосно и Оредежи, с выходом границы к верховью Ижоры. Далее она следовала на запад, включая полосу земель вдоль Финского залива с малыми реками Дудергофкой (Лигой), Стрелкой, Лебяжьей к его юго-западному побережью в районе Красных гор.

Документальные свидетельства по средневековой истории Приневья достаточно ограничены. Наиболее подробными являются Писцовые, Обыскные и Дозорные книги XV–XVI вв. Важную информацию об историко-культурном ландшафте содержат шведские и русские карты XVII — начала XVIII столетия. Археологические источники по этому периоду включают материалы археологических раскопок крепости Орешек и позднесредневековых могильников, а также разведочных исследований сельских поселений XIV–XVII вв.

Первые удачные попытки научного осмысления письменных и картографических документов позднего средневековья и нового времени, содержащих сведения о Приневье, были сделаны еще в первой половине XIX в. В 1827 г. штабс-капитаном Бергенгеймом на материалах шведских архивов, переданных в это время в Россию, была подготовлена и издана «Карта бывших губерний Иван-города, Яма, Копорья и Нэтеборга...» по состоянию на 1676 г.³ В 1836 г. П. Бутков по сведениям Обыскной книги 1573 г. обрисовал состояние местностей Санкт-Петербурга в XVI столетии и впервые интерпретировал встречавшиеся в ней топонимы⁴. Подробное изучение и публикация Писцовых, Обыскных и Дозорных книг Водской пятины XV–XVI вв. были начаты с середины XIX в. Издание Писцовых книг Водской пятины 1581–1582 и 1500–1501 гг. (ПКВП 1500), было подготовлено Археографической комиссией⁵. Исследованием и публикацией Писцовых книг в дореволюционный период занимались К.А. Неволин, И.Д. Беляев, А.М. Гневушев, С. Тихомиров, Д.Я. Самоквасов⁶. Большое значение этого источника для понимания системы расселения, экономики и демографии региона отмечали все исследователи. «Писцовые книги — ценный и доста-

точно точный статистический материал Древней Руси. В отличие от других исторических документов — летописей, свидетельств иностранцев и современников, описывающих необычные явления, и даже актов, дошедших до нас в отдельных экземплярах, — их можно признать типичными — фиксирующими обычные явления»⁷.

Первое историко-географическое исследование территории Водской пятины было сделано в середине XIX в. К.А. Неволлиным. На основании сопоставления данных Писцовых книг с более поздними картографическими материалами, а также с Изгонными книгами XVII в. им были подготовлены карты Новгородских пятин и определены места, где располагались центры погостов⁸. А.И. Гиппинг рассмотрел этимологию названий поселений на Неве, обозначенных на собранных им шведских картах⁹. Подробная интерпретация материалов Писцовых книг для территории Петербурга и его окрестностей была выполнена Г.А. Немировым, попытавшимся разобраться в расположении упоминаемых в тексте островов, рек, деревень и селений¹⁰.

Сергий Тихомиров впервые картировал поселения Ореховского и других соседних уездов по материалам Писцовой книги Водской пятины 1500 г., используя при этом и данные, полученные Г.А. Немировым. Однако ему удалось локализовать лишь немногие поселения и полученные им результаты нельзя признать успешными, особенно для территории Нижнего Приневья. «Наибольшие затруднения мы испытывали при нанесении границ тех погостов, которые в настоящее время заняты пригородами Петербурга <...> О сохранившихся селениях здесь, конечно, не может быть и речи», — отмечал исследователь. При картировании поселений на этой территории использовались сведения, касающиеся «местоположения той или иной деревни в Писцовой книге»¹¹.

Картирование поселений Писцовых книг соседней с Водской Шелонской пятины на основании сопоставления с картами генерального межевания XVIII в. было выполнено А.М. Андрияшевым. Исследователь подверг сомнению возможности археологического изучения этих поселений: «Старая деревянная Русь не оставила после себя никаких следов, и при археологических исследованиях, если бы такие были бы когда-нибудь произведены на всей территории Новгородской земли, легче можно будет найти стоянку каменного века, чем остатки деревни XVI в.»¹².

В середине — второй половине XX в. появился ряд новых обобщающих работ по истории Северо-запада в XV–XVII вв.¹³ Методы картирования поселений Писцовых книг получили развитие в работах М.В. Витова

по Русскому Северу¹⁴. Впоследствии с некоторыми доработками они менялись другими исследователями. Развитие поселенческой структуры в Новгородском и Ладожском уездах Водской пятины было исследовано А.А. Селиным¹⁵. А.Г. Новожилов на основании сопоставления данных Писцовых книг и картографических материалов XVII в. картировал поселения Куйвошского и Карбосельского погостов Ореховского уезда. Для определения местоположения поселений использовались некоторые опубликованные шведские карты. Учитывая недостаток данных о местоположении большинства поселений XV–XVI вв., на местности им были применены различные способы их локализации в зависимости от степени достоверности имеющейся информации. В пределах микрорегионов, выделенных в составе погостов, все определенные поселения делились на три группы: достоверно картированные, условно локализованные — с привязкой к большому физико-географическому объекту (с точностью 1–2 км), а также поселения со спорной локализацией. Местоположение части деревень установить не удалось. Приблизительное место расположения поселений, по мнению исследователя, могло определяться по принципу «соседства деревень», основанному на том, что при движении переписчиков по погосту деревни описывались ими последовательно. К этой же категории принадлежали деревни, названия которых были близки¹⁶. Интересными результатами этой работы стали более или менее точное картирование большинства поселений, а также определение господствующего типа расселения в погостах южной части Карельского перешейка как гнездового. Характерными особенностями, присущими для этого региона, названы сливающиеся между собой гнезда деревень и наличие одиночных поселений.

Следует признать, что письменные источники практически не содержат информации о расположении поселений на местности, их планировке, размерах и планиграфии построек, продолжительности существования и развитии. В отличие от земельных угодий не упоминаются в них и места захоронений. Поэтому в изучении средневековой системы расселения большое значение имеют археологические данные.

Разведочные археологические исследования, проведенные с 1980-х годов в Деревской, Шелонской и Водской пятинах Новгородской земли и в центральных районах Псковской земли, показали определенную взаимосвязь в расположении поселений Писцовых книг XV–XVI вв. с системой расселения XII–XIV вв., а местами и с более ранней¹⁷. В то же время исследователи отмечают, что, несмотря на расположение центров погостов вблизи крупных древнерусских поселений и городищ, они возникают в основ-

ном уже после прекращения их существования или затухания жизни на них. Выбор места погостов вблизи старых поселений был связан с сохранением традиции культового и административного центра. При этом в XIV — начале XV в. происходит смена системы расселения — запустение старых поселений и возникновение новых как в прежних топографических условиях по берегам рек и озер, так и в новых — на водоразделах¹⁸. В отличие от территорий, входивших в состав первоначального ядра древнерусского государства, центры расселения в Карелии были по-прежнему приурочены к берегам рек и озер. Широкая земледельческая крестьянская колонизация Прионежья начинается, по мнению исследователей, только после 1300 г. На протяжении XIV–XV вв. в центрах погостов (округов) складывается система сельского расселения, зафиксированная позднее Писцовыми книгами¹⁹.

Археологические исследования показывают, что формирование поселенческой структуры в различных районах Северо-запада имело свои особенности в зависимости от ландшафтно-географических условий и системы хозяйства. Если на юге развиваются поселения на водоразделах, вырастающие зачастую из поселений предшествующего (XII–XIII вв.) периода, то на севере, где немаловажную роль играло рыболовство и охота, значительная их часть была приурочена к берегам рек. Развитие поселений на водоразделах было связано с распространением здесь прогрессивных форм земледелия — переложной и трехполья — и появлением стабильной оседлости уже в позднесредневековый период.

Первые позднесредневековые памятники на территории Приневья и примыкающих к ней берегах Финского залива и Ладоги выявлены в XIX — начале XX в.²⁰: могильники в Усть-Рудице и в Красном селе и селище в районе Сестрорецкого разлива. Археологическое изучение поселений XIV–XVI вв. было начато с раскопок города Орешка в 1978–1983 гг. У истоков Невы на ее побережье была обнаружена позднесредневековая керамика, связываемая с городским посадом²¹. Разведочные исследования Санкт-Петербургской археологической экспедиции в Приневье с целью выявления позднесредневековых памятников начинаются с 1988 г. Поиск их на основной части этого региона затрудняется значительной урбанизацией и включением земель в инфраструктуру развивающегося Санкт-Петербурга. Для локализации поселений в устьях рек Ижоры, Охты, Славянки, в Лахте, у Смольного монастыря, в Летнем саду использовались шведские и русские карты Ингерманландии середины XVII — начала XVIII в. Во многом благодаря этому здесь были выявлены остатки поселений XV–XVII вв. В условиях постоянного культивирования этих земель на протяжении последних

столетий сооружения здесь не сохранились, а слои оказались переотложены. Обнаруженные находки в основном представляют собой фрагменты керамических сосудов. В других местах расположения деревень, известных из описаний Писцовых книг и по картографическим материалам, где велись исследования: на Стрелке Васильевского острова, в районе Михайловского замка, в нижнем течении рек Славянки и Ижоры, — следы их не были обнаружены²². Позднесредневековые поселения выявлены на территории, не затронутой поздней застройкой, — в бассейне реки Мги (в среднем течении — в районе пос. Кирсино) и в Подолье на реке Лаве, вблизи которых были найдены могильники XII–XIII вв.

В те же годы были исследованы несколько позднесредневековых грунтовых могильников на территории Санкт-Петербурга и его окрестностей. Часть из них, находящаяся в пределах города, в значительной степени оказалась разрушена. Несколько захоронений исследованы в 2001–2005 гг. в Павловске при слиянии рек Тызвы и Славянки (Мариентальская крепость). В 2004 г. около 40 погребений грунтового могильника конца XIII–XVII вв. изучены на левом берегу реки Фонтанки (двор Шереметевского дворца). В 2009 г. раскопан могильник XVI–XVII вв. вблизи устья реки Охты, в 2013–2015 гг. — могильник Порицы 1 XIV–XVII вв. в верхнем течении р. Славянки на севере Гатчинского района к югу от г. Павловска. Позднесредневековый могильник, разрушенный грабительскими раскопками, обследован в Лезье в среднем течении реки Мги. Остатки грунтовых захоронений зафиксированы на Стрелке Васильевского острова, вблизи мест расположения поселений на Малой Неве.

Археологическое изучение сельских поселений XV–XVI вв. связано с рядом проблем: сложностью их выявления из-за незначительной величины и совпадения по местоположению с современными населенными пунктами, многолетней распашкой связанных с ними культурных отложений, бедностью материальных свидетельств, а также отсутствием в их контексте надежных хронологических индикаторов. Изучение позднесредневековой системы расселения по письменным документам дало возможность определить приуроченность поселений к физико-географическим объектам и ориентировочное местоположение части из них, известных по более поздним источникам. Уточнение места расположения и привязка их к конкретным ландшафтам стала возможной в ряде случаев только в результате проведения археологических исследований. При этом возникла проблема соотнесения выявленных археологическими методами деревень с поселениями, упоминаемыми в документах.

В отличие от поселений могильники на шведских картах специально не обозначались. По археологическим данным, они располагались на окраинах поселений на берегах рек либо на противоположном берегу реки по отношению к современным им поселениям. Вероятно, некоторые из этих могильников служили местом погребения жителей нескольких деревень. При этом, согласно документам, только в одном из мест, где изучались захоронения, — в устье реки Охты — находилась церковь, при которой мог существовать обнаруженный здесь могильник. При сравнении картографических материалов XVII в. и Писцовой книги Водской пятины 1500 г. с размещением археологических находок XII–XV вв. в Приневье можно говорить об определенной преемственности в системе расселения, существующей здесь на протяжении средневековья. Места концентрации поселений XVII столетия, совпадающие в основном с центрами погостов Ореховецкого уезда XV–XVI вв. (Введенский Дудоровский, Воздвиженский Корбосельский, Ильинский Келтушский, Никольский Ижерский, Никольский Ярвосольский), были наиболее освоенными землями еще в ижорское время, не позднее XII в. Они же стали районами новгородской колонизации, происходившей, видимо, в XIV–XV вв. с территориями Ижорского плато и из Поволховья по рекам: Стрелке, Лиге, Славянке, Ижоре, Назии, Мге, Тосне, Неве и Охте. Одновременно происходило заселение этих территорий ижорским и карельским населением из южной части Карельского перешейка. Это переселение, вероятно, было связано с основанием крепости Выборг в 1293 г. и заключением в 1323 г. Ореховецкого мира, по которому три западных карельских погоста перешли к Шведскому королевству.

Следует отметить, что центры погостов Ореховецкого уезда, упоминаемые в Писцовой книге Водской пятины 1500 г., располагаются, так же как и ижорские древности, вблизи крупных рек или их притоков на возвышенностях на удалении от берегов Невы и Финского залива на 15–30 км. Это объясняется тем, что прибрежные пониженные районы были неблагоприятны для постоянного проживания. Они образовывали полосу отчуждения, связанную с военной опасностью, исходившей от Финского залива и открытого водного пути по Неве в Ладогу. Массовое заселение этих прибрежных земель начинается не ранее XIV в.

Складывание поселенческой структуры на территории Ореховецкого уезда было напрямую связано с его земледельческим освоением: переходом от смешанной системы хозяйства, в основе которой были подсечное земледелие, животноводство и присваивающие типы хозяйства к переменной и трехпольной земледельческим системам, и вследствие этого от

полукучевого образа жизни, когда местоположение поселений сменялось в течение нескольких лет, к постоянной оседлости в зонах земледельческого освоения.

* * *

¹ Временник общества и древностей Российских. Кн. 11. Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины (ВОИДР). М., 1851. С. 91, 286; Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. (АИСЗР). Л., 1971. С. 184.

² *Шаскольский И.П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987. С. 128–129.

³ *Бергенгейм.* Карта бывших губерний Ивангорода, Яма, Копорья и Нэтеборга. СПб., 1827.

⁴ *Бутков П.* О состоянии местностей Санкт Петербургских в XVI в. СПб., 1836. (ЖМВД. Т. XX).

⁵ ВОИДР. Кн. 11, 12. М., 1851; *Гневушев А.М.* Отрывок Писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504–1505 гг., содержащий в себе опись части дворцовых земель этой пятины. Киев, 1909.

⁶ *Неволин К.А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке // Записки Русского географического общества. Т. 8. СПб., 1853; *Гневушев А.М.* Отрывок Писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504–1505 гг.; *Гневушев А.М.* Новые исследования по истории Великого Новгорода // ЖМНП. 1916. № 5. С. 118–139; *Гневушев А.М.* Писцовая книга Водской пятины 1540 г. Вып. 1. Новгород, 1917; *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. Т. 1, 2. М., 1908; *Тихомиров С.* Черты церковно-приходского и монастырского быта в Писцовой книге Водской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни). СПб., 1905. *Сергий (Тихомиров).* Карты Водской пятины и ее погостов. СПб., 1905.

⁷ *Гневушев А.М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. 1. Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 годов. Ч. 1. С. 24–25.

⁸ О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке // Записки Русского географического общества. Т. 8. СПб., 1853.

⁹ *Гиппинг А.И.* Нева и Ниеншанц. СПб., 2003. С. 305–323.

¹⁰ *Немиров Г.А.* Петербург до его основания. СПб., 1888.

¹¹ *Сергий (Тихомиров).* Карты Водской пятины и ее погостов.

¹² *Андряшев А.М.* Материалы для исторической географии Новгородской земли. М., 1913. Ч. 1; М., 1914. Ч. 2.

¹³ АИСЗР. Т. 1; *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV–XVII вв.: очерки истории сельского расселения. Л., 1980; История крестьянства Северо-запада России. СПб., 1994.

¹⁴ *Витов В.М.* Гнездовой способ расселения на Русском Севере и его происхождение // СЭ. 1955. № 2. С. 27–40.

¹⁵ *Селин А.А.* Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. СПб., 2003. С. 11–19.

¹⁶ Новожилов А.Г. Этническая ситуация на северо-западе Новгородской земли XV–XVI вв. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2004. Вып. 1–2. С. 77.

¹⁷ *Буров В.А.* Новгородские писцовые книги и археология // РА. 1993. № 3. С. 82–87; *Платонова Н.И.* Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 173–187; *Селин А.А.* Которский погост Шелонской пятины: сюжет средневековой сельской истории // Археология и история Пскова и Псковской земли 1993 г. Псков, 1994. С. 54–57; *Селин А.А., Магола А.А.* Новые исследования Тесовского погоста // Староладожский сборник. Вып. 4. СПб.; Старая Ладога, 2001. С. 79–115.

¹⁸ *Харлашов Б.Н.* К вопросу о происхождении погостов в Псковской земле // СА. 1990. № 1. С. 72–83.

¹⁹ *Герман К.Э., Мельников И.В., Спиридонов А.М.* Основы археологии Карелии. Петрозаводск, 2004. С. 118–119.

²⁰ *Раевская А.М.* Донесение А.М. Раевской о раскопках в урочище Черном // ИОЛЕАЭ. Т. XX. М., 1876. С. 31–33; *Сорокин П.Е., Андреева О.В., Иванова А.В., Лазаретова Н.И.* Археологические исследования Охтинского некрополя // Stratum plus. 2013. № 5. Под знаком Рюриковичей. С. 103–113.

²¹ *Кирпичников А.Н.* Древний Орешек. Л., 1980. С. 80; *Кильдюшевский В.И.* Крепость Орешек — начало истории // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 12. СПб., 2006. С. 7–33.

²² *Сорокин П.Е.* О системе расселения в Приневье в допетровское время // Сельская Русь в IX–XVI вв. М. 2008. С. 351–362; *Сорокин П.Е., Андреева О.В., Иванова А.В., Лазаретова Н.И.* Археологические исследования Охтинского некрополя.